

Научная статья

УДК 94(09)(=17=57)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ

Николай Валерьевич Беленов

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Аннотация

В статье представлен лексико-семантический анализ топонимии эрзянского села Багана Шенталинского района Самарской области. Полученные результаты сопоставлены с материалами исследований автора в других сёлах шенталинской мордвы, в эрзянских населённых пунктах Самарского Заволжья, а также с данными по эрзянским говорам других территорий расселения мордвы-эрзи. Топонимия села Багана и его окрестностей до настоящего времени не подвергалась комплексному исследованию, в то же время подобную работу следует интенсифицировать, поскольку современные демографические процессы способствуют стремительному исчезновению микротопонимии сельских населённых пунктов. Материалы исследования были собраны в селе Багана в течение полевого сезона 2021 года, при этом мы использовали анкету Г. М. Керта, разработанную специально для финно-угорских языков. При работе над собранным материалом использовался лексико-семантический и сравнительно-сопоставительный анализ. В результате проведённых исследований в научный оборот была введена 31 топонимная единица и кластер географической лексики баганского говора эрзя-мордовского языка, выявлены основные характеристики топонимического пространства Баганы, что позволило провести его сравнительный анализ с другими эрзянскими топонимическими пространствами. В исследуемом топонимическом пространстве нашли отражение как особенности баганского говора, так и характерные для шенталинской мордвы вообще черты номинации и семантики названий географических объектов. В целом данное топонимическое пространство обнаруживает общие черты с топонимией, бытующей в сёлах со значительной долей эрзянского населения в Самарском Поволжье на современном этапе: большинство названий происходит из эрзянского и русского языков, в топонимии присутствуют гибридные эрзяно-русские и русско-эрзянские названия, отмечаются главные маркеры эрзянских топонимических пространств: дуальная урбонимная система Ало пе – Вере пе, типичная для мордвы формульность топонимов «определяемое + аппеллятив».

Ключевые слова

топонимика, топонимическое пространство, мордва, географическая лексика, эрзя-мордовский язык, этимология, Багана, Самарское Поволжье

Для цитирования

Беленов Н. В. Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 26–42. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

© Беленов Н. В., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 2

Toponymic Area of the Erzya Bagana Village, Samara Region: Lexico-Semantic and Structural-Comparative Analysis

Nikolay V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Abstract

The article presents a lexical and semantic analysis of the toponymy of the Erzya Bagana village in Shentalinsky district of the Samara region. The obtained results are compared with the materials of the author's research in other villages of the Mordva of Shentalinsky district, in the Erzya settlements of the Samara Volga region, as well as with the data on the Erzya dialects of other territories of the settlement of the Mordva-Erzya. The Shentala ethnoterritorial group of Mordvins includes the Erzya population of the villages of Bagana, Staroe Surkino, Novoe Surkino, Vasilevka, Senkino. The toponymy of the Bagana village and its environs has not yet been subjected to a comprehensive study, at the same time, such work should be intensified, since modern demographic processes contribute to the rapid disappearance of microtoponymy of rural settlements. To carry out a lexical and semantic analysis of the Bagana toponymy in order to identify its characteristic features and, at the same time, common features with the Erzya toponymy of other territories. The research materials were collected in the Bagana village during the 2021 field season with the help of G.M. Kert's questionnaire developed specifically for the Finno-Ugric languages. When working on the collected material, lexico-semantic and comparative types of analysis were used. As a result of the conducted research, 31 toponymic units and a cluster of geographical vocabulary of the Bagana dialect of the Erzya-Mordovian language were introduced into scientific circulation, the main characteristics of the toponymic space of Bagana were revealed, which allowed for its comparative analysis with other Erzya toponymic spaces. The toponymic space under study reflects both the peculiarities of the Bagana dialect and the features of nomination and semantics of geographical names characteristic of the Shentala Mordva. In general, this toponymic space reveals common features with the toponymy that we find in villages with a significant proportion of the Erzya population in the Samara Volga region at the present stage: most names come from the Erzya and Russian languages, hybrid Erzya-Russian and Russian-Erzya names are also found in the toponymy, the main markers of the Erzya toponymic area are: the dual urban system of Alo pe – Vere pe, the formula of toponyms typical of Mordvins is "definable + appellative".

Keywords

toponymy, toponymic area, Mordva, geographical lexicon, Erzya-Mordovian language, etymology, Bagana, Samara Volga region

For citation

Belenov N. V. Toponymic Area of the Erzya Bagana Village, Samara Region: Lexico-Semantic and Structural-Comparative Analysis. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 26–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

Введение

Село Багана, как и большинство мордовских сел Шенталинского района, было основано в первой половине XVIII века, в период строительства Ново-Закамской оборонительной (сторожевой) линии. Согласно местным историческим преданиям, старейшим мордовским населенным пунктом в данной местности является село Старая Шентала; Багана же основана позже, со слов информантов – «другой мордвой» [Беленов, 2021a]. Точная дата переселения в Багану мордвы неизвестна, но о ранней истории села сохранилось одно предание. Согласно ему, вскоре после переселения выяснилось, что место для села выбрано неудачно, земля вокруг него заболачивалась, а дома в половодье нередко затапливало, поэтому жители приняли решение перенести поселение на другое место, где оно и находится в настоящее время. Подобные сюжеты часто встречаются в преданиях о ранней истории мордовских сел Самарского Поволжья, в большинстве случаев они отражают историческую действительность.

Общая история исследования говоров мордвы Самарского Поволжья насчитывает более ста лет. Начало их научному изучению было положено экспедицией Х. Паасонена, который

на рубеже XIX–XX веков в течение более 20 лет проводил обследование значительной части территории расселения носителей мордовских диалектов.

Работала экспедиция Х. Паасонена и в Самарском Поволжье, в том числе и в селе Багана, в результате чего материалы баганского говора нашли отражение в фундаментальном словаре [Paasonen, 1990–1996]. При этом надо отметить, что словарные материалы собирались данной экспедицией в различных селах неравномерно: так, основным «поставщиком» материалов лексики мордвы-эрзи Самарского Поволжья в словарь Х. Паасонена явился вечкановский говор (ныне относится к селу Старое Вечканово Исаклинского района Самарской области). Из Баганы материалов немного, но для нашей темы важно, что многие из них относятся к области ономастики (этнонимы, антропонимы – имена местных колдунов и пр.).

Кроме того, необходимо отметить ряд экспедиций, участники которых, хотя и не работали непосредственно в селе Багана, но посещали мордовские села Самарского Заволжья, что позволило им собрать ценный материал, часть которого использована в том числе и для сравнительно-сопоставительного анализа в настоящей работе. Среди них выделим экспедиции исследователя мордовской народной музыки А. О. Вайсянена в 1914 году, оставившего также ценный фотографический материал [Väisänen, 1948], и П. Равило, работавшего в селе Малый Толкай в 1928 году, результатом чего явился изданный в 1959 году словарь малотолкайского говора эрзя-мордовского языка [Ravila, 1959]. Особо стоит упомянуть о работе М. Е. Евсеева, которая является первым научным трудом, посвященным описанию отдельных мордовских говоров региона. М. Е. Евсеев еще застал в эрзянских селах нынешнего Шенталинского района неассимилированный мокшанский этноязыковой элемент, а также зафиксировал некоторые архаичные черты мордовских говоров севера Самарской области (часть из посещенных ученым сел сегодня административно относится к Ульяновской области), ныне утраченные [Евсеев, 1914].

Дальнейшая работа по изучению мордвы региона велась, преимущественно, с акцентом на этнографические и культурные особенности самарских мокши и эрзи, при этом языковым вопросам внимания уделялось немного. Вместе с тем необходимо отметить ряд важнейших работ, посвященных ономастике мордвы региона [Цыганкин, 2010] и описанию отдельных говоров [Девяткина, 2018], лексических кластеров в них [Рябова, 2019]. Также некоторые этимологии географических названий, происходящих из мордовских языков, можно найти в работах по общей топонимии Самарского Поволжья [Барашков, 1996].

Баганский говор относится к группе говоров шенталинской мордвы Самарской области, представленной эрзянским населением сел Старое и Новое Суркино, Васильевка, Сенькино и, собственно, Багана.

Примечательна система фонем баганского говора эрзянского языка, основные особенности которой мы приводим ниже. В области консонантизма обращают на себя внимание следующие факты. Как и в большинстве говоров шенталинской и похвистневской мордвы, в баганском говоре фиксируется наличие твердой аффрикаты [ч], которая присутствует как в эрзянской, так и в русской речи носителей данного говора, при этом мягкий вариант этой аффрикаты не встречается вовсе. В баганском говоре сохранился заднеязычный носовой согласный [ŋ], причем только в мягком варианте. Большинство авторов наличие подобного звука в системе консонантизма говора считается архаичной чертой [Надькин, 1968]. В настоящее время данный звук в тех говорах, где он фиксировался полевыми исследованиями еще середины XX века, стремительно исчезает. В большинстве же говоров он исчез еще раньше, перейдя в фонемы [й] или [в]. Реконструкция подобных переходов подтверждается данными полевых исследований М. Е. Евсеева, который отмечал наличие звука [ŋ] в старобесовском и александровском говорах эрзя-мордовского языка еще в начале XX века. К середине прошлого столетия данная фонема в указанных говорах уже не фиксировалась, тот же результат подтверждается и нашими полевыми исследованиями (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Бесовка, 2022). Таким образом, повсеместно в мордовских говорах отмечается процесс исчез-

новения фонемы [ŋ], однако вопрос ее происхождения и эволюции может объясняться не только внутренними тенденциями развития фонетической системы мордовских языков. Относя данное явление к финно-угорской архаике (с чем мы, безусловно, согласны), исследователи, как правило, не рассматривают вариант возможного ареального влияния на фонетическую систему соответствующих мордовских говоров носителей марийских языков. В настоящее время ареалы проживания носителей мордовских и марийских языков практически не пересекаются, как и на протяжении последних столетий [Manninen, 1932]. Вместе с тем, учитывая географию распространения фонемы [ŋ] в мордовских говорах, лингвистические контакты их носителей с марийцами в прошлом весьма вероятны [Lallukka, 2003]. Так, рассматриваемый согласный фиксируется, либо фиксировался в недавнем прошлом, в основном в приалатырских говорах эрзянского языка, а также в говорах эрзян, проживающих на территории современной Нижегородской области. На этих территориях еще в историческое время фиксировалось проживание марийского населения, отдельные группы которого на юге доходили до Среднего Присурья [Сепеев, 2006]. У села Чукалы, эрзянский говор которого характеризуется наличием данного согласного, еще в XVII веке отмечается общее моление на керемети мордвы, чувашей и марийцев [Кузнецов, 1957], что предполагает близкое межэтническое общение. В большинстве марийских диалектов согласный [ŋ] встречается и в настоящее время.

Согласный [в] в баганском говоре остается звонким даже в смычке с глухими согласными и в конце слова, что также характерно для большинства эрзянских и некоторых мокшанских говоров Самарского Поволжья.

Переходим к системе вокализма баганского говора, относительно которой надо отметить следующее. Гласный [о] в данном говоре является сильным даже в безударной позиции, что проявляется в заимствованиях из русского языка и в русской речи носителей баганского говора. Сильная позиция гласного [о], по-видимому, обусловлена особенностями ударения в мордовских языках, так как в ряде диалектов [о] в слове встречается только ударное [Деваев, 1963].

Кроме того, в исследуемом говоре нерегулярно присутствует гласный [ä], встречающийся также в ряде эрзянских говоров (например, эрзянские говоры сел Алово Атяшевского района, Кендя Ичалковского района Республики Мордовия). По-видимому, ранее данная гласная была распространена в эрзянских диалектах значительно шире: так, Х. Паасонен еще застал ее бытование в кажлодском говоре шокшинского диалекта [Paasonen, 1996], где в настоящее время она не фиксируется. При этом в большинстве из них, в том числе и на территории Самарского Поволжья, данная фонема исчезла, перейдя в гласный [э] [Ravila, 1959].

Ударение в баганском говоре разноместное, но тяготеет к первому слогу, особенно, если слово произносится отдельно, вне контекста. В потоке разговорной речи ударение в одной и той же лексеме может падать на разные слоги, но тенденция ударения на первый слог прослеживается и здесь. Данная ситуация, в целом характерна для диалектов эрзянского языка (приалатырские говоры [Марков, 1961], а также в Ромодановском и Кочкуровском районах РМ [Объедин, 1963]), что, по мнению большинства ученых, объясняется общим для предковых финно-угорских языков ударением [Itkonen, 1955; Raun, 1988], которое сохранилось в мокшанском литературно-письменном языке (но далеко не всегда прослеживается в мокшанских диалектах). Надо отметить, что в русских лексемах, бытующих в баганском говоре, *болото*, *поляна*, *река* ударение не смещается на первый слог, как во многих других говорах, а соответствует русскому ударению.

Географическая лексика баганского говора

В целом географическая терминология баганского говора по составу является типичной для эрзянских говоров Заволжья, отличия фиксируются, главным образом, в фонетике и семантике.

К географическим терминам баганского говора, находящим почти полные лексико-семантические параллели в других эрзянских говорах Заволжья относятся:

Болото/*Bo'loto*. Для обозначения болот в баганском говоре используется идентичное заимствование из русского языка. Со слов информантов: «Болото – так и болото. Может быть, в старину как-то и называли по-другому, а уже в наше время всегда болото» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Багана, 2021; далее баганские материалы маркируются просто аббревиатурой ПМА). Надо отметить, что подобная ситуация фиксируется в большинстве мордовских говоров региона, в которых болота обозначаются либо заимствованиями из русского языка – *болота*, *грезь*, либо ситуативно (например, в селе Захаркино Сергиевского района болота обозначаются лексемой *битень*, поскольку люди с прозвищем *Битки* (таковое в Захаркино закреплено за родом Юртаевых) жили в низменной, подтапливаемой тальми водами части села). Объясняется исчезновение собственно эрзянских лексем для обозначения болот, по всей видимости, тем, что в ландшафтах Самарского Поволжья болота практически не представлены, что часто подчеркивают и сами информанты.

Брудь/*Brud'*. Географический термин для обозначения прудов в баганском говоре, представляет собой адаптированное в эрзянском заимствование из русского языка. В эрзя-мордовских говорах региона термин встречается повсеместно, практически всегда топонетичен. Также отмечается его широкое распространение в эрзянских говорах на территории Республики Мордовия, Ульяновской, Оренбургской областей.

Веле/*V'el'e*. В баганском говоре эрзя-мордовского языка имеет значения 'село', 'деревня'. Форма и семантика термина в рассматриваемом говоре идентичны таковым в литературно-письменном эрзянском языке.

Вирь/*V'ir'*. Термин, встречающийся в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья в значении 'лес', при этом лишь в некоторых из них он топонетичен – например, в клявлинском говоре, в остальных же его, как правило, заменяет термин *колка*. Не фиксируется он в составе географических названий и в баганском говоре, как и вообще у шенталинской мордвы.

Калмо/*Kalmo*. В баганском говоре данный термин имеет значение 'кладбище'. В эрзянских говорах Самарского Поволжья кладбища, как правило, обозначаются лексемами: *калмо*, *калмозырь*, либо устойчивым словосочетанием *калмо ланго*. В ряде говоров данные термины сосуществуют, но в таком случае их семантика обычно различается. В баганском говоре термин *калмозырь* неизвестен, однако имеется устойчивое иносказательное обозначение для высоких людей *хохлонь зюронь чувто* – 'деревянный крест с украинского кладбища'. На новом кладбище Баганы первыми похороненными людьми были украинцы, ставившие на могилах высокие кресты. Основываясь на мокшанском диалектном материале, можно полагать, что термин *калмозырь* изначально обозначал у мордвы родовое место на кладбище, тогда здесь: *калмо* – 'могила' + *суро* – 'зерно', в данном выражении, видимо, означает украинскую часть кладбища.

Куринка/*Ku'r'ij'ka*. В различных говорах мордвы Самарского Поволжья и сопредельных территорий данный урбонимный термин широко распространен, но чаще всего имеет в каждом из них, хотя и близкую, но различную семантику. В баганском говоре – 'отдаленная улица', 'группа домов, чуть отдельно стоящая'. В говорах шенталинской мордвы редко бывает топонетичен (например, в старошенталинском говоре его функцию в урбонимах выполняет лексема *не*), в баганском говоре в составе географических названий нами также не отмечен.

Лисьма/*L'is'ma*. Термин для обозначения колодцев в баганском говоре. Типичный для эрзянских говоров элемент географической лексики. В топонимии чаще всего маркирует не только колодцы, но и родники.

Лисьмапря/*L'is'ma 'prä*. Термин для обозначения родников. Также типичный элемент эрзянской географической лексики, его семантика в различных говорах также чаще всего однотипна, исключение составляет старошенталинский говор эрзянского языка, в котором *лисьмапря* имеет значение 'родник, текущий с горы', прочие родники обозначаются в нем, как и ко-

лодцы, *лисьма* [Беленов, 2021a]. В топонимическом пространстве Баганы и колодцы, и родники обозначаются термином *лисьма*, как и в большинстве эрзянских топонимических пространств.

Лей/L'ej. Данный географический термин в литературно-письменном эрзянском языке имеет значение ‘река’. Однако в большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья, где он встречается, данное значение для него не характерно. Та же ситуация наблюдается и в Багане, со слов информантов: «Лей – это у нас не река, это тоже маленький, относится к чудерьксу» (ПМА). Надо отметить, что часто носители различных эрзянских говоров при объяснении значения термина лей говорят о том, что он означает нечто, близкое к ручью, но все же отличное от него. Так, в говоре села Подлесная Андреевка Шенталинского района существует такая градация: *лей* – ‘ручей’, *чудикерькс* – ‘поменьше ручей’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Подлесная Андреевка, 2021). Носители старомалыклинского говора эрзя-мордовского языка характеризовали нам данный термин так: «Да, есть лей. Но как перевести-то? Лей – это и не река, и не ручей, а так». (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Малыкла, 2022). В значительной части эрзянских говоров Самарской области лексема *лей* вообще отсутствует. В ряде случаев она утрачена уже в процессе проживания носителей говора в Самарском Поволжье, но чаще можно говорить о ее изначальном отсутствии в том или ином говоре. Данная ситуация, по-видимому, сложилась в мордовских языках достаточно давно; так, в старейшем из известных списков мордовских слов, содержащемся в труде голландского политика и путешественника Н. Витсена (по мнению А. П. Феоктистова, составлен на основе какого-то юго-западного говора мокшанского языка [Феоктистов, 2008]), для лексем *Lej* указано лишь соответствие ‘долина’, река же в данном списке обозначена лексемой *Ved* (при этом большая река – *Oczuved*), что и сейчас находит соответствие в ряде эрзянских говоров, например, в старошенталинском [Беленов, 2021] или егинском говоре (ПМА, Пензенская область, Сосновоборский район, Ега, 2022). Учитывая данные других финно-угорских языков (прежде всего – марийских), изначальное реки обозначалась у мордвы, как и у марийцев, той же лексемой, что и вода – *ведь*, *вядь*, *вёid* и т. д., что находит отражение в Поволжской и Приуральской потамонимии. В настоящее время лексемы, за которыми в соответствующих литературно-письменных языках закрепилось значение ‘река’, в живых говорах используются, как правило, для обозначения лишь небольших речек, ручьев, а иногда и сухих оврагов (в одном из говоров шенталинской мордвы – сенькинском – *лей* имеет значение ‘поле’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Сенькино, 2019)). В мокшанском языке это *ляй*, в эрзянском *лей*, в горно-марийском *янгёр* и т. д. Крупные реки при этом в настоящее время чаще всего обозначаются заимствованием из русского языка – *река* (как и в баганском говоре) и лишь sporadически в говорах отдельных сел сохраняются исконные лексемы, аналогичные слову *вода*. Такая ситуация зафиксирована нами в старошенталинском говоре, где реки обозначаются термином *ведь*, в том числе совсем небольшие [Беленов, 2021a].

В баганском говоре, как мы покажем ниже на примере конкретных названий, лексема *лей* не только присутствует, но и топогенетична. Причем показательно, что даже к такой небольшой, по меркам региона, реке как *Кондурча*, баганская мордва термин *лей* не применяет, полагая, что он может маркировать лишь реки поменьше, ручьи, либо обводненные овраги. При этом названия ручьев в большинстве случаев содержат топоформант *лей*, лексема *чудерькс* в топогенезе не участвует.

Пакся/Paksä. Общемордовский географический термин со значением ‘поле’ – один из наиболее часто встречающихся маркеров мордовских топонимических пространств. Принято считать, что данный термин является архаичным заимствованием в мордовские языки из тюркских [Цыганкин, Мосин, 2015]. В баганском говоре также топогенетичен.

Поляна/Po'l'ana. Полное лексико-семантическое соответствие русскому географическому термину в баганском говоре. Собственно эрзянская лексема *кужо* в данном говоре отсутствует, вытеснена она русским заимствованием и в старошенталинском говоре, который, в сравнении с баганским, характеризуется большей архаичностью лексического состава. Такая ситуация

отмечена нами в подавляющем большинстве эрзянских говоров региона, но, как правило, ударение в рассматриваемых заимствованиях из русского языка смещается на первый слог. В отличие от других заимствованных географических лексем из русского языка, лексема *поляна* в баганском говоре топогенетична.

Улиця/*U'lic'ä*. Часто встречающаяся в мордовских диалектах адаптация русского термина *улица*, в отдельных говорах возможны ее различные фонетические вариации. Вариант, бытующий в баганском говоре, является одним из наиболее распространенных, но не является топогенетичным. Вообще для урбонимов Баганы характерно отсутствие соответствующих терминов – *улиця* и *куринка*, которые, бытуя в разговорной речи, в состав названий не включаются.

Чудерькс/*Cu'd'er'ks*. Лексема имеет в баганском говоре значения ‘ручей’, ‘маленькая река’. Данный термин не является в баганском говоре топогенетичным, что прослеживается и в других мордовских топонимических пространствах региона. На территориях расселения мордвы за пределами Самарского Поволжья в составе географических названий данный географический термин также крайне редко встречается: так, Д. В. Цыганкин приводит в этой связи только мокшанский топоним *Шудерьхе* со спорной этимологией [Цыганкин, 2005, с. 411].

Эрьке/*Er'k'e*. Термин для обозначения озер в баганском говоре. Один из наиболее устойчивых маркеров мордовских топонимических пространств в Самарском Поволжье (для других территорий данное утверждение не всегда верно. Так, если в ряде эрзянских говоров Самарского Поволжья *эрьке* – это и река, и озеро, то, например, в старошешенском говоре мокшанского языка эти же понятия передаются лексемой *ляй* [Бабушкина, 1966]). В большинстве говоров региона данная лексема топогенетична, в баганском говоре в составе географических названий она нами не зафиксирована, возможно, ввиду того, что в окрестностях села нет значительных естественных озер, а в названиях прудов фигурирует термин *брудь*.

Следующие географические термины баганского говора характеризуются существенными фонетико-семантическими отличительными особенностями:

Колка/*Kolka*. В большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья данной лексемой обозначаются рощи. В баганском говоре, однако, термин *колка* имеет несколько отличную семантику. С понятием роща наши информанты колку не смешивали, объясняли значение так: «Колка есть у нас, это уже не сплошной лес, а кучки, кучки деревьев, вот, по низинам растет» (ПМА). Данный географический термин в значениях ‘роща’, ‘группа деревьев в степи’, позднее – ‘лесополоса’, широко распространен среди народов Среднего Поволжья, прежде всего у мордвы и чувашей, в говорах которых он имеет форму *кулка*, а в соответствующих топонимических пространствах, как правило, топогенетичен.

Латко/*Latko*. Данная географическая лексема имеет в баганском говоре значение ‘яма’: «Латко – это у нас яма. Овраг – это овраг, по-русски, а латко – яма» (ПМА). В остальных говорах шенталинской мордвы лексема *латко*, как и в литературно-письменном эрзянском языке, имеет значение ‘овраг’. Надо отметить, что значение ‘яма’ для данной лексемы в ряде мордовских говоров (не на территории Самарского Поволжья) отмечается Х. Паасоненом, правда, обычно вкупе с рядом других значений, характерных для тех же говоров [Paasonen, 1996]. Во всех остальных эрзянских говорах шенталинской мордвы, включая старошенталинский, лексема *латко* сохраняет значение ‘овраг’, ямы обозначаются различными заимствованиями из русского языка.

Лошмо/*Lošmo*. Данной географической лексемой носители баганского говора обозначают овраги определенного типа: «Длинный и узкий, как с берегами – это лошмо» (ПМА). Здесь надо отметить, что эта географическая лексема, присутствуя в большинстве эрзянских говоров Самарской области, семантически очень вариабельна. Например, в старошенталинском говоре *лошмо* – ‘овраг с овальным дном’. В Старом Суркино лексема *лошмо* бытует в значении ‘низина’, но чаще в старосуркинском говоре в этом значении употребляется лексема *ушмалей* (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старое Суркино, 2019), в сиделькинском говоре *лошмо* – это обязательно влажная низина (ПМА, Самарская область, Челно-Вершинский район, Сиделькино, 2021).

Роштя/*Rošt'a*. Лексема, бытующая в баганском говоре в значении 'роща', является адаптированным заимствованием из русского языка, в местной топонимии не встречается. В баганском говоре произошел распространенный для эрзянских диалектов переход русского [ш] в консонантное сочетание [шт]. Вопреки ряду мнений, данный переход не является регулярным. Так, нами неоднократно фиксировалась форма *роша* в мордовских говорах региона и сопредельных территорий (ПМА, Ульяновская область, Теренгульский район, Алешкино, 2021), в составе эрзянских географических названий известно также *роштя* [Цыганкин, 2005, с. 146].

Топонимия села Багана и его окрестностей

Все названия исследуемого топонимического пространства можно разделить на три группы: топонимия, имеющая прозрачную этимологию из эрзянского и русского языков; эрзянские и русские топонимы с неясной семантикой; топонимы, происхождение которых спорно, возможно, относящиеся к субстрату.

К первой группе названий относятся:

Ало пе/*'Alo p'e*. Название одной из частей села Багана, элемент типичной для эрзянской урбонимии дуальной системы Ало пе – Вере пе. Ало пе – Нижний конец, обозначение относительно низменной части населенного пункта.

Веле куро/*'V'el'e 'kuro*. Название, употребляющееся в баганском говоре применительно к центру села, нередко встречается в эрзянских топонимических пространствах региона. Общемордовская лексема *веле* означает 'село', *куро* – в настоящее время редко встречающееся в мордовских языках обозначение населенного пункта, которое, на наш взгляд, адекватнее всего перевести на русский язык, в соответствии с мнением Д. В. Цыганкина [Цыганкин, 2005], как 'слобода', то есть обособленная часть большого села. В мокшанских говорах нередко выступает в той же роли, что в эрзянских говорах лексема *пе* – 'конец, часть села'. Тот факт, что лексема *веле* не оформлена аффиксом принадлежности *нь*, согласно мнению Б. А. Серебренникова [Серебренников, 1963], является показателем архаичности данного устоявшегося словосочетания в мордовских говорах.

Вере пе/*'V'er'e p'e*. Относительно возвышенная часть Баганы (Вере пе – Верхний конец), современное название этой части села – улица Школьная (ПМА).

Верьгизлей/*'Ver'g'iz'l'ej*. Название одного из ручьев в окрестностях Баганы, берущего свое начало в лесу. В эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья характеристика *верьгиз* – 'волк, волчий', часто эквивалентна характеристике *вирень* – 'лесной', по аналогии с русским *волчий (бирючий) угол* – 'глухое место'. В ряде названий зооним *верьгиз* впоследствии был калькирован на русский язык. Так, можно привести примеры: улица *Вергизовка* в селе Большая Ега – окраинная, близкая к лесу на склоне горы Шихан; *Волчий угол* – урочище на опушке леса у села Сиделькино; *вергизы* – прозвище жителей примыкающей к лесу части села Новое Урметьево. Лексема *лей* в баганском говоре часто встречается в названиях ручьев, ее значение рассмотрено выше.

Захаркино/*Za'hark'ino*. Название части Баганы, расположенной за рекой по отношению к центру села, сегодня это улицы Калинина и Полевая. Характерно, что антропонимные названия Захаркино, Захаровка вообще распространены у самарской мордвы. Сравните, например: эрзянское село Захаркино, с протекающей через него рекой Захарка в Сергиевском районе, село Захаровка, выселок из эрзянской Коноваловки в Борском районе Самарской области, там же урочище *Захар калма* [Беленов, 2021b].

Калмик латко/*Kal'm'ik 'latko*. Название нового кладбища (стало действовать примерно с начала 1940-х годов). Причину изменения формы *калма* в *калмик* информанты не объясняют. Возможно, здесь имеет место один из аффиксов уменьшительности в мордовских языках [ке], впоследствии видоизменившийся в разговорной речи под иноязычным влиянием. Его появ-

ление можно объяснить потребностью в различии старого и нового кладбищ: старое, как следует из производной от него топонимии, называлось именно *Калмо* (см. ниже). Название нового кладбища, очевидно, поначалу уступавшего старому в размерах, оформилось аффиксом уменьшительности.

Калмолей / *Kalmo'l'ej*. Ручей, протекающий в окрестностях старого кладбища села Багана, ныне заброшенного: «Это в сторону Родины, по левой стороне, там раньше было кладбище, ручеек там течет, Калмолей называется» (ПМА). Название двусоставное: *калмо* – ‘кладбище’ + *лей* – ‘ручей’.

Калмолей лисьма / *Kalmo'l'ej 'Lis'ma*. Название колодца при кладбище, из которого берет начало указанный выше ручей. Само название *Калмо* в исследуемом топонимическом пространстве не сохранилось, отчасти потому, что точное место расположения старого кладбища сейчас известно лишь немногим старожилам. Однако производные от него названия позволяют установить, что именно в форме *Калмо* оно некогда бытовало в баганском говоре.

Кевлей / *K'ev'l'ej*. Небольшая речка, левый приток Кондурчи, впадает в нее в пределах села Багана. На территории Республики Мордовия отмечены единичные названия *кевлей/кевляй*, которые относятся к обводненным оврагам [Цыганкин, 2005]. В данном случае, по словам информантов, речка получила свое название вследствие того, что при течении она двигает по дну камни (ПМА). Название двусоставное: *кев* – ‘камень’ + *лей* – ‘ручей, небольшая речка’.

Кельме лисьма / *K'el'm'e 'Lis'ma*. Название родника в лесу, с холодной водой. Название двусоставное, от эрзянских лексем: *кельме* – ‘холодный’ + *лисьма* – ‘колодец, родник’. Как и в других подобных случаях, в топонимическом пространстве Баганы родники обозначаются аналогично колодцам – *лисьма*, а не *лисьма пры*.

Куркань пандо / *Kur'kan'pando*. Название горы, которая, по характеристике информантов, расположена от села Багана «в сторону колоко» (ПМА), то есть находится вниз по течению реки Кондурчи, на полпути из Баганы к урочищу Волчуха. Происхождение названия информантам неизвестно, по всей видимости, оно восходит к орнитониму курка – ‘индюк’. Таким образом, топоним состоит из следующих элементов: *курка* – ‘индюк’ + *нь* – аффикс принадлежности + *пандо* – ‘гора’.

Куркань пандо ало / *Kur'kan'pando 'alo*. Название в баганском говоре полей, расположенных под горой Курка пандо, где *ало* – низ, место под чем-либо, *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках.

Лягушкина / *L'a'guškina*. Название улицы в Багане, которая в настоящее время состоит всего из трех домов. Название русское, хотя зооним *ватракиш* – ‘лягушка’ в баганском говоре бытует. Вероятно отпрозвищное происхождение урбонима.

Мазы пакся / *Mazy 'paks'a*. Название полей, принадлежащих жителям Баганы и расположенных «за колками» (ПМА). Характеристика *мазы* – ‘красивый’ часто встречается в мордовской топонимии Самарского Поволжья. В эрзянском литературно-письменном языке принята форма *мазый*, в говорах эрзи Самарского Поволжья данная лексема бытует в форме *мазы*, которая употребляется в мокшанском языке.

Мишкань брудь / *M'iškan' brud'*. Пруд, расположенный в возвышенной части села, около леса. Ранее служил излюбленным местом для купания жителей Баганы, но в последнее время, из-за обилия змей, купаться там перестали. Пруд питается от воды родника *Кельме лисьма*. Название происходит от имени человека, выкопавшего пруд – Михаила.

Мокшо / *Mokšo*. Название улицы в селе Багана. О том, что некогда в селе проживала мордва-мокша, преданий у местных жителей не сохранилось, наши исследования баганского говора достоверных мокшанизмов в нем также не выявили (ПМА). Однако, учитывая фиксацию мокшанского населения в других, сегодня полностью эрзянских, селах Шенталинского района в начале XX века [Евсеев, 1914], такую возможность исключать нельзя. С другой стороны, имея в виду тюркское окружение шенталинской мордвы, излишним будет вспомнить и то, что чуваша и татары называют мордву вообще (и эрзю, и мокшу) общим именем *мокишэ*.

Немовские паксят / *'Nemovskie pak's'at*. Название полей, расположенных от Баганы в сторону поселка Немовский, находящегося между урочищем Волчуха и селом Смагино. Вторая часть названия состоит из двух компонентов: общемордовское *пакся* – ‘поле’ + аффикс множественного числа в мордовских языках *m*, таким образом, перевод топонима: *Немовские поля*.

Полянка / *Po'l'anka*. Название одной из улиц в селе Багана, примечательно, что она не совпадает с улицей, имеющей официальное название Полевая. В основе урбонима – русская географическая лексема *поляна*, заимствованная без изменений в баганский говор эрзянского языка.

Поп мода / *Pop 'moda*. Название поля с колодцем в окрестностях Баганы. Данная земля до революции принадлежала местному священнику, вследствие чего и получила свое название. В составе данного названия заслуживает внимания лексема *мода* – ‘земля’, в топонимии мордвы Самарского Поволжья практически не фиксирующаяся. Лексема *пон* (иногда с аффиксом родительного падежа – *попонь*) – частый элемент географических названий мордовских топонимических пространств, распространяется на объекты, каким-то образом связанные с церковью или священнослужителями: *Поп дуга* у села Передовка Похвистневского района, *Поп лисьма* в Малом Толкае того же района, *Попонь латко* в Старых Соснах Клявлинского района и т. д.

Сеське Петянь брудь / *'S'es'k'e P'et'an' brud'*. Название одного из прудов в Багане. Происходит от имени выкопавшего его человека, к которому присоединена прозвищная основа: «Сеське-комар, его дразнили так» (ПМА). Вероятно, подобные же прозвища лежат в основе таких эрзянских топонимов как *Сеся-баба*, *Сюсюнька*, но установить их семантику затруднительно, так как мордва сёл, к топонимическим пространствам которых они относятся, в настоящее время обрусела и/или сменила место проживания.

Торговой латко / *Tor'govoj 'latko*. Название котловины в окрестностях Баганы, характериземой местными жителями как «яма». Со слов информантов: «В колках шла дорога, по ней ездили торговать, торговали краденым» (ПМА). Как представляется с учетом характеристик объекта, к которому относится данное название, лексема *латко* в баганском говоре во времена возникновения топонима означала не просто яму – углубление в земле, а круглую долину с крутыми склонами.

Ко второй группе топонимов Баганы относятся:

Кинаньконь пандо / *K'inan'kan'pando*. Название горы, у подножия которой расположена Багана. В настоящее время происхождение названия для местного населения является загадкой: «Это старинное, я даже перевести не могу» (ПМА). Учитывая, что по этой горе проходит издавна известная дорога в направлении урочища Волчуха и далее, к Вартовскому колодцу, можно предположить, что лексема *кинаньке* ранее имела значение ‘тропинка’, ‘дорожка’, а современную форму название приобрело в процессе наслоения уменьшительных аффиксов *не* и *ке* на основу *кине* – ‘дорожка’ (ки + не), с добавлением аффикса принадлежности *нь*. Д. В. Цыганкиным приводятся подобные параллели из эрзянских диалектов [Цыганкин, 2005]. Таким образом, можно реконструировать значение *Кинаньконь пандо* – Дорожная гора, гора, по которой проходит дорога.

Пется недля / *'P'ets'a 'n'edl'a*. Название одного из небольших полей в окрестностях Баганы. Происхождение названия информанты не объяснили. В первой его части возможно предполагать антропоним, уменьшительное от имени Петр, что сомнительно, учитывая, что в баганской топонимии данное имя достоверно встречается в другой вариации (см. ниже). По нашему мнению, логичнее видеть здесь названия дней недели в эрзянском языке, *пется* (литературно-письменный вариант *пеця*) – ‘пятница’ и *недля* – ‘воскресенье’. Можно предположить, что в эти дни обрабатывалось данное поле.

Соборка / *So'borka*. Название улицы в селе Багана. Происхождение названия местным жителям в настоящее время неизвестно, предполагают, что в его основе лежит русское слово *собор*.

Тюринькя / *T'u'r'ij'k'a*. Эрзянское название улицы, носящей официальное название «улица Полевая». Происхождение урбонима информанты не объяснили. Д. В. Цыганкин для близких топонимов на территории Республики Мордовия предлагает этимологии от общемордовского глагола *тюремс* – ‘драться’, либо от антропонимов – например, от мордовского языческого имени *Турай* [Цыганкин, 2005]. Добавим также, что зачастую топонимия, восходящая к мордовскому языческому антропонимикону, происходит от него не напрямую, а посредством фамилий, в основе которых лежат соответствующие имена.

Уло ланго / *Ulo 'lango*. Название одной из улиц в Багане. Видимо, в основе урбонима лежит лексема *уло* – ‘подбородок’, нередко встречающаяся в составе эрзянских топонимов. Так, Д. В. Цыганкин указывает названия *Уло пе* – поле, *Уло ки* – дорога с развилкой в Атюрьевском и Дубенском районах Мордовии [Цыганкин, 2005]. Подобного рода топонимия, восходящая к соматической лексике, не чужда мордовским языкам: сравните мокшанский термин *саласка* – ‘нижняя челюсть’, встречающийся в составе ойконимов, а также широко распространенный в мордовской топонимии термин *нярь / нерь*. Во всех указанных случаях главным мотивом возникновения названия географического объекта является его характерная форма. Послелог *ланго* имеет в баганском говоре значения ‘поверхность’, ‘на чем-либо’, ‘рядом с чем-либо’.

Ушмалей / *Ušma'lej*. Название небольшой реки, протекающей между Баганой и поселком Родина. Информантам значение названия неизвестно. Д. В. Цыганкин основу *уш*, встречающуюся в составе потамонимов *Ушлей / Ушляй* на территории Республики Мордовия, считает возможным рассматривать как элемент с семантикой ‘начало’ (сравните эрзянское *ушодомс* – ‘начать’), Ф. И. Гордеев ту же основу в гидронимах *Ушлей*, *Уш* относит к балтскому топонимическому субстрату [Гордеев, 1985, с. 81], О. И. Воронцова и П. С. Галкин считают ее финно-угорской, сближая с мансийским *уш / ош* – ‘огороженное место, запруда’ [Воронцова, Галкин, 2002, с. 340], но для большинства финно-угорских языков данная основа, в целом, нехарактерна [Häkkinen, 2007]. Как представляется, в основе ряда подобных названий может лежать встречающееся в некоторых диалектах мордовских языков *ушо* – ‘улица’, к которому восходит разговорное *ушов* – ‘наружное, внешнее (по отношению к дому, к селу)’. Для этимологии рассматриваемого топонима решающее значение может иметь бытующая в Старом Суркино лексема *ушма* со значением ‘низина’, тогда *ушмалей* – ‘речка, протекающая в низине’. В баганском говоре, однако, лексема *ушма* нами не зафиксирована, но, учитывая общность говоров шенталинской мордвы, исключать ее бытование здесь в прошлом нельзя. Возможно, к той же лексеме восходит и неэтимологизируемое в настоящее время носителями старошенталинского говора название урочища *Ушлат колка* между селами Старая и Новая Шентала.

Ушмалей колка / *Ušma'lej 'kolka*. Название перелеска у реки Ушмалей. Подобная конструкция географических названий достаточно часто встречается в мордовских топонимических пространствах, когда название одного из географических объектов выбирается в качестве ориентира, вокруг которого группируются названия менее значимых в глазах носителей соответствующей топонимии объектов.

К третьей группе следует отнести следующие названия:

Багана / *Baga'na*. Титульный ойконим исследуемого топонимического пространства. В селе бытует две версии происхождения названия, от татарского *багана* – ‘столб’ (информанты считают ее недостоверной) и от личного имени *Баган* (ПМА). В версии происхождения ойконима от татарской лексемы *багана* обоснованно сомневался еще В. Ф. Барашков, который полагал, что в основе названия села, вероятнее всего, лежит прозвище человека – *Багана* или *Баганай* [Барашков, 1996]. В контексте данной версии происхождения рассматриваемого названия важно отметить, что в различных регионах России, в частности в Приуралье, имеются подтвержденные топонимы *Багана*, восходящие к прозвищным основам [Поротников, 1975, с. 90]. Наконец, нельзя исключать, что ойконим восходит к прозвищной основе *Бака* с общемордовским аффиксом принадлежности *нь* – *Бакань*, такие названия не редкость в мордовской топонимии [Цыганкин, 2005, с. 34]. Кроме того, подобная антропонимия распростра-

нена и в татарском языке, где есть имя *Баганай*, а прозвищем *Багана* могут называть высокого худого человека. Также сравните топоним *Бакан угол*, в основе которого лежит антропоним, в топонимическом пространстве села Старые Сосны Клявлинского района Самарской области, само село эрзянское, но у его жителей имеются тесные ареальные связи с окрестным татарским населением.

Вместе с тем надо отметить, что ойконимы, содержащие в составе лексему *Багана*, как правило, получили свое название от одноименных рек. Так, село Татарская Багана в Чистопольском районе Татарстана расположено на реке Багана в бассейне Малого Черемшана, в верховьях которой основано. Также можно отметить реку Богана и одноименное село на ней в Воронежской области. Кроме того, потамоним Баган известен в Новосибирской области. По мнению исследователей, он является архаичным и может восходить к индоевропейскому *багно* – ‘низкое, топкое место’ [Воробьева, 1973, с. 60]. Что касается подобных названий на территориях расселения носителей славянских языков, то здесь нет оснований возводить их к индоевропейской архаике, поскольку соответствующие лексемы зафиксированы во многих диалектах русского, белорусского и украинского.

Сравните, например, в белорусском языке *багна*, *багма* – ‘топь, болото’; украинское диалектное *bahna* – ‘грязь в поле’ (украинцы в Багане отмечены, правда в позднейшее время); русское диалектное *багна* – ‘короставник полевой’, также заросли багульника; в русских говорах Курской области *багно* – ‘низкое и топкое место’ [ЭССЯ, 1974, с. 124–126]. Учитывая, что основатели Баганы вынуждены были сменить первоначальное место поселения из-за топкости почвы, предположение о происхождении ойконима от одной из приведенных выше лексем не лишено оснований.

Варга/Varga. Название горы, на склоне которой располагается известный в районе исследования Вартовский колодец. Происхождение топонима неизвестно. Прежде всего надо отметить, что настоящих гор на территории Волжского Левобережья в Самарском Поволжье нет, горами местное население называет сколь-нибудь значительные возвышенности. Лексема *варга/ворга* в различных значениях часто встречается в говорах Русского Севера, однако происхождение ее неясно, хотя и с большой степенью вероятности она является заимствованием из финских языков. Я. Калима склонялся к вероятному заимствованию лексемы русскими у коми [Kalima, 1915], где имеется термин *ворга* – ‘русло, ложе’ [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 63]. Известные значения лексем *варга/ворга* в финно-угорских языках и русских говорах контактных с ними зон имеют семантику, на первый взгляд, не подходящую для характеристики горы или возвышенности – ‘сырая лощина’, ‘канава’, ‘болотистая низина’, ‘болотистая, кустарная лощина’ (отмечено В. И. Далем для архангельских говоров), но если вспомнить, что речь в данном случае может идти о роднике, наличие которого выделяет эту возвышенность из ряда ей подобных, то подобная семантика в названии горы вполне допустима. Кроме того, отмечаются для лексемы *варга* и более приемлемые для названия возвышенности значения: ‘глухое место в лесу’, ‘ягодное место в лесу’, ‘естественная просека, просвет в лесу’ [Мызников, 2003]. Все подобные этимологии могли бы рассматриваться в качестве основных, если бы было доказано существование в окрестностях горы деревень, основанных носителями севернорусских говоров. Однако таковых нет. Единственная близкая к горе русская деревня – Крепость Кондурча – была основана отставными солдатами «из закамских пригородов», расположенное далее к юго-востоку село Зубовка основано крестьянами из-под Владимира.

Мы, со своей стороны, рискуем предложить этимологию от эрзянского *верьгиз* – с иносказательным значением ‘лесная’. Во-первых, данная этимология является семантически оправданной, поскольку гора поросла густым лесом, а семантическая параллель волчий = лесной зафиксирована нами в баганском говоре (см. Верьгизлей). Во-вторых, переход из *Верьгиз* в *Варгу* мог осуществиться в языках немордовского (чувашского и русского) окрестного населения, поскольку источник пользовался почитанием не только у мордвы. В-третьих, «волчья» топонимия в окрестностях объекта имеет широкое распространение, в разных языках, сравните:

название исчезнувшей деревни – *Волчуха*, название чувашского села *Токмакла* и протекающей через лес реки *Токмаклинка* восходят к чувашскому сакральному названию волка – *токмак*. У чувашей существовало поверье, что если так назвать волка, то его хвост станет тяжелым, как колотушка (колотушка – одно из значений чувашской лексемы *токмак*) и он не сможет причинить вреда человеку и скоту [Денисов, 1959], отсюда же в чувашском языке устойчивое словосочетание для обозначения волка *токмак хўре*, что в буквальном переводе означает ‘колотушка-хвост’. В качестве дополнения к вышесказанному можно предложить для этимологии альтернативные версии на эрзянском материале: *верьга* – ‘высоко’, ‘поверху’; *вирьга* – ‘по лесу’.

Вартовский колодец / *Vartovsk'ij ko'lod'ec*. Родник и колодезный сруб при нем на склоне горы Варга, религиозный и культурный центр Баганы и всей шенталинской мордвы, особым почитанием пользовался в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда был известен далеко за пределами Куйбышевской (ныне – Самарской) области. Именно этот период запечатлелся в памяти наших информантов. В религиозной литературе известен также как источник на горе Варга. Со слов информантов, «Старое название, откуда пошло – не знаем. Здесь село было Волчуха, там хранились иконы для молебна, а некоторые приносили из Старого Суркина» (ПМА). Принимая во внимание близость к объекту чувашских сел (например, Токмаклы), нельзя исключать происхождения его названия из чувашского языка. Может быть, от чувашского *вйрттйн* – ‘тайно’, ‘секретно’ [Федотов, 1996] – учитывая, что на горе Варга в XVIII веке располагался сторожевой пост, в задачи которого входило оповещение окрестного населения на случай нападения кочевников. В заключение по данному вопросу надо отметить, что неясным остается взаимное отношение топонимов *Варга* (название горы) и *Варта* (основа названия колодца), наши информанты в потоке речи нередко их путали и заменяли одно другим.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ топонимического пространства эрзянского села Багана Шенталинского района Самарской области позволил сформулировать следующие выводы.

Географическая лексика, бытующая в баганском говоре эрзя-мордовского языка, с одной стороны, демонстрирует близость с данным лексическим кластером других говоров шенталинской мордвы, с другой – имеет свои отличительные особенности. К последним относятся: семантика географических терминов *латко* – ‘яма’ и *лошмо* – ‘длинная и узкая ложбина с высокими берегами’; семантика термина *колка*, в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Заволжья имеющего значения ‘роща’, ‘небольшой остров леса в степи’; сохранение русского ударения в заимствованиях из русского языка – *болото*, *поляна*, *река*, в то время как в большинстве других эрзянских говоров региона оно смещается на первый слог. Соответственно, к области параллелей относится и отсутствие в баганском говоре собственно эрзянских географических лексем *чей* и *кужо*, вытесненных рассмотренными выше русскими заимствованиями.

Большинство лексико-семантических особенностей топонимии Баганы находят параллели в других эрзянских топонимических пространствах Самарской области и сопредельных территорий. Так, зафиксированное в баганской топонимии семантическое соответствие зоонима *верьгиз* – ‘волк’ с характеристикой «лесной, связанный с лесом» отмечено нами также у эрзян в селах Сиделькино и Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района, также общеэрзянской особенностью является обозначение родников и колодцев в топонимии общей лексемой *лисьма*, при сохранении в географическом лексиконе специального термина для родников термина *лисьмапря*, дуальная урбонимная система *Ало не* – *Вере не* фиксируется практически во всех топонимических пространствах эрзян Самарской области, исключения единичны.

Также надо отметить, что в топонимии, бытующей в баганском говоре, в значительной степени сохраняются характерные черты, присущие мордовской топонимии в целом: двусоставная структура названий по формуле «определяемое + апеллятив», в топонимах часто сохраняется архаичная безгенитивная форма, топогенетичность основных географических лексем и, соответственно, нетопогенетичность лексем, являющихся таковыми на других территориях расселения мордвы (*вирь*, *чудерькс*).

К субстратному слою данного топонимического пространства уверенно можно отнести по-тамоним Кондурча и, с известной вероятностью, титульный ойконим и топонимы Варга и Вартовский колодец, большинство остальных названий надежно этимологизируется из эрзянского и русского языков. Имеется и ряд топонимов, этимология которых спорна, однако их эрзянское происхождение вопросов не вызывает, к таковым относятся названия Кинаньконь пандо, Уш-малей, ряд урбонимов Баганы.

Список литературы

- Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. IV. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1966. С. 16–226.
- Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.
- Воробьёва И. А. Язык Земли. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. 152 с.
- Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Издательство Марийского полиграфкомбината, 2002. 422 с.
- Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1985. 144 с.
- Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 261–432.
- Девяткина Е. М. Особенности консонантизма шиланского говора эрзянского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. №4. С. 34 – 39
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. 407 с.
- Евсеев М. Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань: [б. и.], 1914. 17 с.
- Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: [б. и.], 2009. 178 с.
- Кузнецов И. Д. К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957. С. 119–127.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 1. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1961. С. 7–100.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
- Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. V. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. с. 3–199.
- Объединен В. Д. Говоры, имеющие общность со старо-турдаковским диалектом эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 2. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 240–261.
- Поротников П. Т. Отпрозвищные антропотопонимы южной части Талицкого района Свердловской области // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 88–99.

- Рябова Г. В.** Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянских говоров Самарской области // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. №7. С. 27–33.
- Сепеев Г. А.** История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.
- Серебренников Б. А.** Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
- Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 с.
- Феокистов А. П.** Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. 389 с.
- Цыганкин Д. В.** Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 9–15.
- Цыганкин Д. В.** Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.
- Цыганкин Д. В., Мосин М. В.** Этимологиянь валкс. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. 228 с.
- Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Т. 1. М.: Наука, 1974. 214 с.
- Häkkinen K.** Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s.
- Itkonen E.** Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // ALH, 1955, pp. 21–34.
- Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter " im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Lallukka S.** From fugitive peasants to diaspora: The eastern mari in tsarist and federal Russia. Helsinki, 2003.
- Manninen I.** Die finnisch-ugrischen Völker [Text]/von I. Manninen. Leipzig: O. Harrassowitz, 1932. 384 p.
- Paasonen X.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, 1990. 2703 s.
- Raun A.** The Mordvin Language. The Uralic Languages. Leiden: E. J. Brill, 1988. P. 96–111.
- Ravila P.** Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyi Tolka // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1959. Vol. 61, 63. 110 p.
- Väisänen A. O.** *Mordwinische Melodien*/phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki: SuomalaisUgrilainen Seura, 1948. 207 p.
- Witsen N.** Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 s.

References

- Babushkina, R. V.** Temashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language // Ocherki mordovskikh dialektov. T. IV. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 16 – 226 (In Russ.)
- Barashkov V. F. & Dubman Je. L. & Smirnov Ju.N.** Toponymy of Samara region. Samara: SamGU, 1996. 192 s. (In Russ.)
- Vorob'jova I. A.** The Language of the Earth. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973. 152 s. (In Russ.)
- Voroncova O. P., Galkin I. S.** Toponymy of the Republic of Mari El. Joshkar-Ola: Izdatel'stvo Marijskogo poligrafkombinata, 2002. 422 s.(In Russ.)
- Gordeev F. I.** Historical development of the Mari language vocabulary. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 144 s.(In Russ.)
- Devaev S. Z.** The Middle Vadian dialect of the Moksha-Mordovian language // Ocherki mordovskikh dialektov. T. II. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. S. 261–432 (In Russ.)
- Devjatkina E. M.** Features of the consonantism of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №4. S. 34 – 39 (In Russ.)
- Denisov P. V.** Religious beliefs of the Chuvash. Historical and ethnographic essays. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1959. 407 s. (In Russ.)

- Evsev'ev M. E.** Report on a business trip to Samara and Kazan provinces to study the dialects of the Mordovian language. Kazan': [b. i.], 1914. 17 s. (In Russ.)
- Kert G. M.** Saami toponymic vocabulary. Petrozavodsk: [b.i.], 2009. 178 s. (In Russ.)
- Kuznecov I. D.** On the question of the origin of the Chuvash nationality // O proishozhdenii chuvashskogo naroda. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. S. 119 – 127 (In Russ.)
- Lytin V. I. & Guljaev E. S.** A short etymological dictionary of the Komi language. M.: Nauka, 1970. 386 s. (In Russ.)
- Markov F. P.** The Prialtyr dialect of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. 1. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. S. 7 – 100 (In Russ.)
- Myznikov S. A.** Russian dialects of Obonezhye. SPb.: Nauka, 2003. 540 s. (In Russ.)
- Nad'kin D. T.** Morphology of the Nizhnepensky dialects of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. V. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. s. 3 – 199 (In Russ.)
- Obedkin V. D.** Dialects that have commonality with the Staro-Turdak dialects of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. 2. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. S. 240 – 261 (In Russ.)
- Porotnikov P. T.** Nickname anthroponyms of the southern part of the Talitsky district of the Sverdlovsk region // Voprosy onomastiki. 1975. № 10. S. 88 – 99 (In Russ.)
- Rjabova G. V.** Linguogeographic analysis of phytonyms of Erzya-Mordovian dialects of the Samara region // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2020. №7. S. 27–33. (In Russ.)
- Sepeev G. A.** The history of the settlement of the Mari. Joshkar-Ola: MarNIIJaLI, 2006. 200 s. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A.** Historical morphology of the Mordovian languages. M.: Nauka, 1967. 262 s. (In Russ.)
- Fedotov M. R.** Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary: ChGIGN, 1996. 470 s. (In Russ.)
- Feoktistov A. P.** Essays on the history of the formation of written and literary Mordovian languages. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 389 s. (In Russ.)
- Cygankin D. V.** Oikonymy of the Mordovian Trance-Volga region // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2010. Vyp. 3. S. 9–15. (In Russ.)
- Cygankin D. V.** Memory imprinted in the Word: Dictionary of geographical Names of the Republic of Mordovia. Saransk: Krasnyj Oktjabr', 2005. 432 s. (In Russ.)
- Cygankin D. V. & Mosin M. V.** Jetimologijan' valks. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2015. 228 s. (In Erz.)
- Jetimologicheskij slovar' slavyanskikh jazykov.** Praslavyanskij leksicheskij fond. T. 1. M.: Nauka, 1974. 214 s. (In Russ.)
- Häkkinen K.** Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s. (In Finn.)
- Itkonen E.** Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // ALH 1955. 21 – 34 (In Germ.)
- Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915 (In Germ.)
- Lallukka S.** From fugitive peasants to diaspora: The eastern mari in tsarist and federal Russia. Helsinki, 2003 (in Engl.)
- Manninen I.** Die finnisch-ugrischen Völker [Tekst]/von I. Manninen. - Leipzig : O. Harrassowitz, 1932. - 384 s. (In Germ.)
- Paasonen H.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, 1990 – 1996. 2703 s. (In Germ.)
- Raun A.** The Mordvin Language // The Uralic Languages. Leiden: E.J. Brill, 1988. p. 96 – 111 (in Engl.)

- Ravila P.** Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyi Tolka // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 1959. T. 61, 63. 110 r. (In Germ.)
- Väisänen A. O.** Mordwinische Melodien/phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki: SuomalaisUgrilainen Seura, 1948. 207 p. (In Germ.)
- Witsen N.** Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 s., 34 l. (in Dutch)

Информация об авторе

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета

Information about the Author

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of ICTE of Samara State University of Social Sciences and Education

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 17.04.2023*

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 17.04.2023*